

ВСТУПЛЕНИЕ

Здоровое и прогрессивное общество нуждается как в контроле со стороны власти, так и в индивидуальной и групповой инициативе: без контроля наступит анархия, без инициативы — застой.

(Бертран Расселл, «Власть и личность»)

Эта книга о сходствах и различиях. О том, как отличаться от других и как видеть вещи с необычной, порой «странной», перспективы, не укладывающейся в рамки привычной «нормальности» общества, социальной системы, политических идеологий или иных общепризнанных ориентиров поведения.

Эта книга также рассказывает о трикстерах в различных политических и социальных контекстах. В книге описываются разные типы систем и трикстеров, обсуждаются всевозможные конфликтные ситуации и взаимодействия, возникающие между двумя противоборствующими сторонами. Она рассказывает нам о необыкновенном явлении, коим является человеческая идентичность, постоянно мятущаяся между требованиями системы и желаниями личности, между индивидуальным и социальным, между различиями и сходствами, между тем, чтобы быть уникальным и быть одним из множества — «таким как все», «нормальным». Человеческая идентичность, выражаясь словами британского антрополога Виктора Тёрнера, вынуждена существовать «внутри и между» двух противополо-

ложностей, и, тем самым, представляет собой весьма изменчивую концепцию. Иначе говоря, это пограничная концепция. А значит, она попадает в зону влияния трикстера.

Мой интерес к трикстерам возник очень рано — в детском саду. Советский детский сад, скажу я вам, был весьма странным местом, дети там распевали коммунистические песни под аккомпанемент пианино, лепили одинаковых коров из пластилина, который советская промышленность выпускала в ограниченной линейке унылых тусклых цветов, и декламировали патриотические стихи на утренниках в честь государственных праздников. Дети вырастали с мыслью, что спонтанность — нежелательное качество, что за её проявления могут наказывать. К четырём годам мы уже понимали, что отличаться от других или пытаться познавать этот мир не так как принято — опасно. Господствующая идеология относилась к концепции свободы выбора с презрением и всячески подавляла её проявления. Многообразие осуждалось, оно таило в себе обман и дух западного потребительского образа жизни, оно могло развратить чистые умы юных советских граждан.

Режим дня детей, таким образом, был скучным и предсказуемым, а состав группы интеллектуально, социально и психологически стремился к полному единообразию. «Игровые» элементы воспитания были представлены крайне скудно, как с финансовой, так и с идеологической точек зрения: не было особого выбора одежды из-за того, что советская промышленность выпускала крайне ограниченную линейку продукции (это приводило к тому, что мы все выглядели более или менее одинаково), все читали одни и те же «разрешённые» книги, а в детских садах были одни и те же игрушки, ассортимент которых также был невелик. По правде говоря, по-настоящему хорошие игрушки пылились на верхних полках, так как были слишком дорогими, чтобы давать их детям. И если бы одна из них сломалась, найти замену было бы не так-то просто. С точки зрения советского режима, трикстерство (выбор, игра, спонтанность, изменения, различия, неподчинение) было частью капиталистической идеологии.

Однако, даже в тех условиях, где самовыражение представляло собой проблему, мы, тем не менее, находили альтернативные пути. Например, мы превращали различные предметы в импровизированные игрушки. Ветки, листья, камешки, осколки цветного стекла отлично подходили для этой цели. Высоко ценились длинные пёрышки, что мы вытаскивали из

подушек во время унылых и обязательных «тихих часов». К несчастью, подобный тип самовыражения считался серьёзным проступком. Если игра с веточками была странным, но относительно безобидным занятием, то изготовление кукол из перьев рассматривалось практически как преступление, так как происходило в результате «порчи государственного имущества». Наказание за такое «преступление» было весьма оригинальным: всякий раз, как нас ловили за вытаскиванием перьев из подушек, воспитательницы связывали нам руки мокрыми полотенцами. Так началось моё знакомство с трикстерством — с руками, связанными одним «государственным имуществом» за порчу другого «государственного имущества», я должна была усвоить урок о том, как опасны спонтанные творческие порывы. Признаюсь, урок я не усвоила, иначе не писала бы сейчас эту книгу. Сила индивидуальности, в которой и обитает внутренний трикстер, заключается в отказе быть пристыженным системой; в отказе быть пристыженным за то, что делаешь нечто непривычное для большинства; в стремлении идти своим путём, отличающимся от официальных предписаний. Противостоять системе — значит смеяться над ней, и смех — главное оружие трикстера.

На самом деле, то наказание было весьма метафоричным, забавным и символичным с точки зрения мифологических приключений трикстера в мире, где царит абсолютная власть и насаждаемые ей запреты. Такие меры для борьбы с творческим началом, как физическое связывание рук или заклеивание рта скотчем — одновременно жестоки и комичны. Сюжетно и идеологически они близки к мифу о том, как Зевс приковал Прометея к скале в Кавказских горах, или как северные боги заперли трикстера Локи в пещере, опасаясь, что он вызовет Рагнарёк («гибель богов»). Оба этих трикстера посмели бросить вызов пантеону богов, и оба были за это физически обездвижены (что, конечно же, лишь одна из множества форм наказаний, применяемых системными структурами).

Своей задачей в этой книге я вижу создание широкой аналитической парадигмы, которая будет полезна для изучения отношений между трикстерами и системами, изменениями и стабильностью, в широком диапазоне социальных, политических и культурных контекстов. Чтобы дать оценку хрупкому балансу между трикстеро-индивидуалистическим с одной стороны, и культурно-системным с другой, я применила ряд антропологических, психотерапевтических и социологических теорий. Что ка-

сается психологических концепций, я использовала комплексный подход, рассматривая совместно работы нескольких теоретиков, включая Хайнца Кохута, Карла Юнга и Дональда Винникотта. Каждая психологическая теория — это система в себе, и соответственно имеет свои ограничения, пробелы и недостатки. Я убеждена в том, что, будучи комплексной психо-антропологической концепцией и культурным феноменом, трикстер не может быть «втиснут» в какую-то одну теоретическую модель, а значит, в подобном исследовании необходимо оставлять пространство для (теоретического) манёвра.¹ Например, я применяла юнгианскую концепцию тени при описании индивидуальных, социальных и политических эффектов от подавления трикстера; в то же время мне пригодилась идея Кохута об объекте самости, для демонстрации того, что происходит с индивидом или группой людей, когда спонтанность и искренность — неотъемлемые качества трикстера — исключены из их жизни.

На протяжении всей книги я также использую понятие «трикстер» как метафору, чтобы отследить возникновение и развитие человеческой идентичности и исследовать роль индивидуальности в обществе. Ребяческая несдержанность трикстера, его восторженность и радость, его решительность в желании вырваться из узких рамок, в которые он был помещён системой — всё это связано со стремлением обрести самого себя — психологическое и интеллектуальное существо, независимое от социальной структуры. Мифологические трикстеры традиционно наказываются богами за то, что привносят хаос и изменения туда, где до их вмешательства царил хорошо организованный, жёстко контролировавшийся и устойчивый порядок. Боги пристально следят за этим мировым порядком, и потому начинающему трикстеру следует быть крайне осторожным, если он намерился что-то изменить. Власть всегда борется с переменами — в особенности с незапланированными, внезапными и непредсказуемыми.

Системы и структуры, преобладающие на Западе, сильно отличаются как от тех, что встречаются в доиндустриальных обществах, так и от тех, что мы можем наблюдать в странах с некапиталистическими идеологиями. И вправду, на первый взгляд кажется, что современные системы как будто продвигают свободу выбора и самобытность, и поддерживают не-

---

1. Я должна отметить, что на протяжении всей книги использую гендерно-нейтральное местоимение «он» по отношению к трикстеру и отдельной личности, чтобы избежать нескладных грамматических конструкций.

зависимость мышления. Однако, их влияние на человека не особо отличается от того, что можно встретить в более несвободных и деспотичных обществах. Карл Юнг никогда не упоминал об «архетипе системы», но всё же система — столь универсальная сущность, что вполне может претендовать на статус архетипа. Её цели остаются неизменными на протяжении столетий, в различных культурных, экономических и политических условиях. Подавляющий характер системы может варьироваться от максимально жёсткого до крайне мягкого, но в конце концов он всегда служит тому, чтобы держать человека под контролем. Фактически, речь идёт о социальном контракте Руссо, который гласит, что мы обмениваем нашу иллюзорную свободу на безопасное существование внутри социальной структуры.

В окружающем нас мире, размеры которого значительно уменьшились благодаря всесильности средств массовой коммуникации, в мире, который утопает в новостях, мнениях, изображениях и видео, отношения между личностью и обществом приобретают всё более важное значение. Ещё острее в этом изменчивом мире стоит вопрос самоидентификации — вопрос о том, что есть «Я». Огромный выбор всевозможных образов жизни вовсе не помогает человеку на пути самопознания и саморефлексии. Более того, необходимость выбирать из множества вариантов приводит ко всё большей фрагментации и дестабилизации сознания человека. Экспертные системы (по терминологии Энтони Гиддена) призваны заново «собрать» это раздробленное сознание, помочь человеку выбрать из множества образов жизни тот, который был бы правильным лично для него — но зачастую они приводят к ещё большему замешательству. Современная эпоха не смогла разрешить конфликт между системным мышлением и личной свободой. В современных контекстах встречаются трикстеры всех мастей, и именно о них я и буду говорить в своей книге.

В каждой главе исследуются различные аспекты отношений между властью и трикстером. В главе 1, «Рождение стыда», рассказывается о психосоциальных истоках человеческой индивидуальности через парадигму трикстера. Из этой главы вы узнаете, насколько важен стыд и другие инструменты контроля над трикстерами и формированием личности как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. Я попытаюсь доказать, что человеческая идентичность — побочный продукт трикстерства, возникающий в результате трений между индивидуалистическо-нарцисси-

ческими наклонностями с одной стороны и «цивилизующим» влиянием общества с другой. Чтобы «укротить» «первичное всемогущество» (которое может служить как деструктивным, так и созидательным целям), общество использует ограничивающие инструменты, такие как стыд, долг и мораль. В результате человек разрывается между стремлением к самовыражению и ожиданиями общества. В конце концов, люди — социальные животные и не могут существовать без поддержки социальной структуры.

«Рождение стыда» объединяет различные теоретические подходы. Антропология и социология (Виктор Тёрнер, Клиффорд Гирц, Пьер Бурдieu) применяются здесь наравне с психотерапевтическими концепциями, включая фрейдистские и юнгианские теории, идеи Мелани Кляйн, Дональда Винникота, Хайнца Кохута и Марио Джакоби. Эта глава подготовит базу для дальнейшего обсуждения трикстерства, как важной составляющей общества, а также проанализирует его значение для психологии личности.

Во второй главе, «Наступление Рагнарёка», я продолжу развивать аргумент (озвученный в главе 1) о том, что постмодерн — это эпоха трикстеров, так как характеризуется психологической фрагментацией и уменьшением роли систем и структур. В этой главе описываются основные сферы влияния трикстера в современных условиях. На первый взгляд, наше время, тот самый Рагнарёк — время правления трикстера — то, чего Один и другие боги так стремились избежать, но трикстер проник во все уголки западного общества и поселился во всех его подвалах и чердаках. В то же время, я пытаюсь показать, что власть трикстера в наше время — лишь иллюзия, а система по-прежнему правит безраздельно.

В главе 3, «Трикстер и капиталистическая система», утверждается, что капитализм строится на психологии трикстера и использует эту психологию в экономических целях. Здесь я рассуждаю о концепциях выбора, рекламы, потребительства, объективации и нарциссизма в западных индустриальных обществах, а также о связи между появлением среднего класса и ростом влияния ценностей, присущих трикстерам (например мобильность, как географическая, так и социальная). Умение капиталистической системы извлекать пользу из энергии трикстера всегда впечатляло меня — прежде всего потому, что в Советском Союзе, отношение к

трикстерству, как к вызову устоявшемуся единообразию, было резко негативным.

Глава «Трикстер и капиталистическая система» продолжает темы идентичности, эмоциональной безопасности и уверенности в себе, начатые в первой главе, и заканчивается размышлением о том, как человек существует в обществе, где статус — превыше всего. Система не способна функционировать и приносить прибыль, если каждый человек, задействованный в ней, на протяжении всей жизни имеет о себе одни и те же, неизменные представления. Изменения — экономический трикстер — вот основа рыночной экономики. Анализируя роль трикстера в капитализме, я прибегаю к некоторым антропологическим концепциям, а также использую идеи Эндрю Сэмюэлса, для которого рыночная экономика — это царство Гермеса, греческого бога вестников, воров и торговцев.

Глава 4, «Медиа-трикстер», расширяет метафорическое значение трикстера, включая в него массовую коммуникацию, а также исследует его комплексное влияние — включая роль знаменитостей — на индивидуальную идентичность. В этой главе я утверждаю, что медиа-трикстер, с одной стороны, вызывает у потребителей информации замешательство и фрагментацию сознания, предлагая им множество вариантов образа жизни и идентичности. С другой стороны, он предлагает людям своего рода временные, сменные идентичности, используя знаменитостей в качестве ролевых моделей. Другими словами, обе эти функции «расшатывают» и «перестраивают» личность с помощью «синтетических» деталей идентичности. В этой главе также приводится рассуждение о женщинах-трикстерах и их творческом и политическом влиянии на современную культуру. В своём анализе взаимоотношений индивида и средств массовой информации я в основном использовала идеи психоаналитика Хайнца Кохута (объект самости), философа культуры Жана Бодрийера («система объектов» и симулякр), а также юнгианского аналитика Марио Джакоби.

В главе 5, «Творческий бунт», я исследую психологические истоки креативности и присутствие трикстерского духа в жизни творческого человека. Я считаю, что миссия художника в общественной жизни — это, во-многом, миссия трикстера: бросить вызов социальным, политическим и религиозным нормам и призвать к обновлению изживших себя структур. Чтобы доказать свою точку зрения, я вооружилась различными пси-